

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

председатель Правления Союза писателей России

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

О Василии Белове

Вот и шагнул вместе со всеми нами в XXI век Василий Белов. Его ли это столетие? Ведь в минувшем двадцатом его знали и любили. Там живут его герои, страдают и иногда радуются. Там идет за дровнями, разговаривая со своим испытанным другом конем Парменом, Иван Африканович, там он безутешно рыдает на могильном холмике своей Катерины: “Я ведь дурак был, худо я тебя берег, знаешь сама... Как по огню ступаю, по тебе хожу, прости. Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя... — Иван Африканович весь задрожал. И никто не видел, как горе пластало его на похолодевшей, не обросшей травой земле, — никто этого не видел...”.

Много раз перечитывал я эти слова и до боли ощущал пронизывающее это страдание. По-другому страдали герои Тургенева, Толстого, да и Шолохова. Всё по-своему, по правде своего времени. И у Белова всё по правде, и ему веришь безгранично. Эта правда о русской жизни. Этот дар ее слышать и понимать и проведет книги Белова по XXI веку.

Василий Белов не вмещается ни в одну из литературоведческих классификаций. Его не вставишь ни в какие художественные, эстетические, социологические и политологические рамки. Но он не был в нравственном одиночестве, не возвышался отдельной глыбой над народом, но вырастал из него, окруженный своими героями, своими почитателями, своими сотоварищами по литературному делу. Ему было на кого опереться, с кем идти рядом.

Как и все послевоенное поколение, он вырастал из Победы. Но вот война закончилась, а тяжкий, порой изнурительный труд продолжался. Казалось, с Победой на село придет облегчение, но ведь семьи в русской деревне поредели: отцы, братья, кормильцы не пришли с фронта. Вместо них пустота, многие надорвались, ослабли. Но поблажки селу не было: строились города, восстанавливалась промышленность, везде нужны были рабочие руки — и город снова и снова забирал крестьянских парней. Но ведь и село надо было удерживать, надо было жить и работать, не терять надежды, спасти себя и страну.

Василий Белов это и делал: вершил крестьянское дело, не сторонился комсомольского соработничества, жадно учился, постигал смысл и филосо-

Статья написана как предисловие к Собранию сочинений Василия Ивановича Белова, которое в скором времени начнет выходить в издательстве “Классика”.

фию жизни через народные тяготы и терпенье, через мудрое слово стариков и женские судьбы. Книги приходили в его жизнь, озаряя дальним светом чужой мысли и умением выразить то, что видишь и чувствуешь. Он и сам стал писать, ощутив слово и как живительный луч, и как рычаг, с помощью которого можно двигать сознание людей (в его понимании — двигать в лучшую сторону).

Все, о чем писал, у Белова было в душе (это не тексты, не концепции и не схемы устройства мира). В то время принято было считать, что прогресс идет по всем направлениям: социальным, научно-техническим, эстетическим, уводя отжившее и старое на второй, третий план, а то и вообще выталкивая его из жизни. Однако нравственный и духовный враг “подкрался” именно с этой стороны — со стороны всегда привлекательного обновления. Миру все больше и больше навязывалась чума “амбивалентности” — добро и зло уравнивались, святыни отрицались.

Миллионам читателей Василий Белов дорог своей подлинной народностью, ведь в своем простом слове он боролся за главное. Во всех его повестях, рассказах и очерках утверждались правда-истина, сострадание, милосердие, целомудрие, уважение к прошлому и любовь. И тут можно повторить, что если это не утверждается, то это не наша классика, не наша русская народная, а инородная литература.

Василия Белова ведь никто не пиарил, не “раскручивал”. Просто все мы в 1970-е и 1980-е годы спрашивали друг у друга: “А ты читал?..”. И речь шла о Белове.

Помню знаменитую встречу Михаила Александровича Шолохова с молодыми писателями, среди которых были Владимир Фирсов, Юрий Сбитнев, Лариса Васильева, Феликс Чуев, Василий Белов и другие. С ними был и первый космонавт планеты Юрий Гагарин. Феликс Чуев в шутку рассказывал, что, когда самолет приземлился на сельском аэродроме в Вешенской и по трапу стали спускаться писатели, встречавшие делегацию старики-казаки при появлении Василия Белова пали на колени и воскликнули: “Мы так долго ждали Вас, Ваше Высочество!” И действительно, была в нем некая царственность народного писателя. Не вельможность, не тронная величавость, а уважительность к тем, кого он представлял, от имени кого выступал.

Шолохов сразу выделил Белова, попыхивая мундштучной сигаретой, внимательно слушал его, отвел в сторону, о чем-то расспрашивал. Ему-то лучше всех было понятно, что значил Белов для русской литературы. Это сейчас ясно, что “Тихий Дон” — самая гениальная книга XX века, а “Привычное дело” выглядит самой знаковой книгой того времени, обозначившей начало знаменитой “деревенской прозы” — прозы, продолжившей линию классической нравственной русской литературы. А тогда мы думали, что Шолохов просто проявляет внимание к молодому таланту. А у них же, как я узнал позднее, шел острый разговор о земле, о селе, о крестьянстве, о коллективизации. Многим тогда казалось, что в “Поднятой целине” не высветилась вся правда о коллективизации. Шолохов и не возражал, понимая, что в каждом краю была своя правда и драма в изменении векового уклада. Василий Иванович и вынашивал ее, болел ею, представив ее позднее в трилогии романов “Кануны”, “Год великого перелома” и “Час шестой”. В общем, без сомнения, это была поистине историческая встреча, когда звезды выстроились таким образом, что на Дону встретились три великих русских человека: Михаил Шолохов, Юрий Гагарин и Василий Белов. Памятник этой встрече вижу воочию и надеюсь, что он встанет на берегу Дона.

Нельзя не выделить в его творчестве энциклопедический “Лад”, свидетелем создания которого мне довелось стать. В 1970-е годы как директор издательства “Молодая гвардия” приехал я в Вологду. После встречи в Вологодской писательской организации Белов повел меня в местный музей. И с несвойственной ему горячностью, будто я был представителем Министерства культуры, принялся доказывать, что из нашей жизни устраняют целые пласты быта, эстетики, как ненужный шлак, отжившую породу. Он не только отрицал такой подход, но показывал истинную красоту, эстетическую фундаментальность творчества народа. В музее Белов долго водил по залу световосприимчивой северной иконописи, проявляя истинно церковное и искусствоведческое знание в оттенках, направлениях, особенностях школ русского иконописания. А главное, выявлял внутреннюю одухотворенность и поистине божественную озарен-

ность, которая посещала последователей Андрея Рублева, Дионисия, Феофана Грека в их возвышенном творчестве. А потом были еще, по крайней мере, два часа путешествия по просторам Атлантиды крестьянского быта. Как многоопытный археолог, он вел меня по другим музейным залам вдоль стеллажей, полок и витрин с шедеврами великой крестьянской народной цивилизации. И непрестанно воздавал осанну детской люльке и берестяному теску, подовой лопате и печному горшку, расшитому полотенцу и плетеному кушаку, крепко сбитым валенкам и плетеным лаптям, лазурному изразцу и фигуристому оконному наличнику, детской игрушке и расписной дуге. Для меня, человека прожившего немало лет в деревне, многое в этой панораме раскрывалось в своей неразрывной связи, полноте и красе. “Знаешь, — говорил Белов тогда, — сейчас искусство, красота сохранились в отдельных кристаллах, в руках и головах отдельных мастеров, а на протяжении веков эти кристаллы были растворены внутри народа, и воспроизводилась эта лепота на всех уровнях, во всех местах в деревнях, городах и столицах. Нынче красота ущербилась. Посмотри, какое богатство осталось нам от прошлого. Оно ведь равновесие, украшенность, гармонию вносило в нашу жизнь, устанавливало лад в семье и доме”.

Василий Иванович с вдохновением, знанием и страстью описывал каждый предмет быта, труда, украшения. Чувствовалось, что он был навигатором и штурманом в этом море народной культуры. Понимая, что он уже обдумывает, а скорее создает этот вещественный эпос, я предложил ему написать книгу. Он промолчал, а когда я прислал ему из издательства “Молодая гвардия” договор на книгу, он отослал его обратно: “На ненаписанное договор не заключаю”. И только с третьего раза удалось подписать бумаги. Так появился выдающийся эпос народного быта и народной эстетики — “Лад”. Может быть, ему суждено жить в веках*.

И еще очень важное в его таланте. Василий Иванович — великий кудесник могучего, многоликого народного языка, который приводит в восхищение понимающего и чуткого к слову читателя. Вот этим-то своим волшебным, сочным, звучным, не придуманным, а услышанным словом он и будет нужен XXI веку.

Речь его героев лишена черного слова, вообще сквернословия. И в то же время “Плотницкие рассказы” и “Бухтины” стали образцами искрометного и задорного русского юмора, слава Богу, не подвластного современным юмористам, заполнившим эфир пошлыми, циничными, местечковыми хохмами. Оставит он нам в слове своем цветастые вологодские луга, влажные кустарники, извилистые песчаные тропки, крошечную, но великую в слове Тимони-ху, вошедшую в память народную так же, как и Михайловское, Спасское-Лутовиново, Вешенская.

Великий педагог К. Д. Ушинский отмечал, что родная речь — одно из главных условий возвышения нации. “Не изучению какого-либо иностранного языка, не изучению чуждой литературы обязаны греки художественным совершенством языка отечественного и своими лучшими писателями. Они изучали прежде всего свой родной язык, свои родные предания и то, что их окружало”.

Василий Белов щедро одаривает читателя нашим родным словом, нашими преданиями, образами того, что окружало и окружает нас, и не выветрилось, несмотря на телевизионные и радиальные сквозняки и ураганы. И без слова Белова не сомкнутся XX и XXI века, а разделятся трещиной, разъединяющей главные смыслы русской жизни.

И последнее: в собрание сочинений, к сожалению, не могут войти его поступки, его действия в подтверждение слов, сказанных им и написанных. А ведь они продолжают его мысли, иногда не менее убедительно, чем написанное. Над чем-то ведь можно и посомневаться: “Ну, написать-то все можно...” А когда Василий Иванович берет топор, восстанавливает храм; когда идет на трибуну, которую не очень любит, и требует от депутатов Верховного Совета прекратить произвол с землей и крестьянином; когда встает на защиту Дома Союза писателей России; когда “бросает рюмку”, чтобы усовестить земляков; когда борется со товарищи против насильственного поворота се-

* Впервые “Лад” был опубликован в журнале “Наш современник” в 1979-81 годах. — Прим. ред.

верных рек; когда едет выступать в защиту русского слова и нашего народа – в Якутск, Иркутск, Омск, Краснодар, Орел и Уфу, то это – поступки, доказывающие, что слово и дело у Василия Белова нераздельны и нефальшивы. Вот почему и нужен всем нам Василий Белов и в XXI, и в будущих веках.

В марте 2008 года в зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя, где обычно собираются иерархи Церкви, проводятся Всемирные Русские Народные Соборы, концерты православной музыки и пения, состоялся юбилейный вечер русского писателя Василия Белова. Он сидел в первом ряду со своей женой Ольгой, иронически улыбался, как бы отстраняясь от обращенных в его адрес высоких слов коллег-писателей и актеров. Зал дружно аплодировал. Василий Иванович укоризненно покачивал головой. В своем выступлении я рассказал о том, что чувствовал, много лет зная Белова и его творчество, и внес предложение: “В наших национальных республиках давно существует звание Народный писатель, Народный поэт, а у русских писателей в России, то бишь Российской Федерации, такого названия нет. Давайте же обратимся к верховной власти с предложением его установить и первым здесь назовем Василия Ивановича Белова”. Зал взорвался аплодисментами, а когда я сел рядом с ним, он лукаво хмыкнул: “Кто это позволит-то?” Не знаю, позволят ли, примут ли такое решение, но уверен, что в сознании народа, страны Василий Иванович Белов давно утвердился как Народный писатель России, выражающий мысли, мнения и чаяния наших людей, о чем и свидетельствуют многие страницы юбилейного собрания сочинений.